

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Кузнецовой Анастасии Александровны «Инакомыслие в Западной Сибири
в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на материалах Новосибирской, Омской и
Томской областей)», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Актуальность избранной диссертантом темы обусловлена масштабной ревизией концепций и подходов, объясняющих специфику послевоенного общественно-политического развития в СССР и в его регионах. Накопление знаний, систематизация фактов о властно-общественных отношениях в годы «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» стимулирует плодотворные дискуссии о характере послесталинского политического режима, степени его «дозволенности», репрессивности, гибкости и так далее. Очевидно, что сложившаяся в историографии 1990-х годов парадигма о монолитности тоталитарного советского строя не позволяет объяснить многообразие форм социального и политического протеста и требует пересмотра. Однако новые концептуальные положения могут быть сформулированы только на основе приращения исторического знания новыми фактами, в том числе о специфике инакомыслия в российских регионах.

В этом смысле работа А. А. Кузнецовой видится оппоненту своевременной и необходимой. Представленные в ней положения позволяют уточнить этапы, динамику, а также определить своеобразие процессов «инакомыслия» в российской провинции. Соискатель с первых строк своей диссертации ставит дискуссионные вопросы, которые нуждаются в тщательном доказывании. Например, на странице 3 утверждается, что «за годы существования СССР в нем находились общественные силы, активно противодействовавшие господству доминирующей в стране номенклатуре и тоталитарным тенденциям в политической и духовной жизни государства и общества». Этот тезис опровергает построения сторонников концепции тоталитаризма, если автор действительно сумел найти реальные силы «противодействия системе». Но когда и при каких условиях они возникли? Какова степень их активности, форм проявления? Действительно ли можно утверждать о «сопротивлении оппозиции в СССР», как заявляет в своем введении автор? Раскрытие этих вопросов, бесспорно, чрезвычайно важно.

В настоящий период требуется большая работа по анализу фактического материала, извлеченного из федеральных и региональных архивов, по систематизации глубинных интервью, чтобы с высокой долей вероятности определить степень оппозиционности советского общества к партийно-государственной власти, а также стратифицировать по степени недовольства социальные слои и группы. По мнению А. А. Кузнецовой, в середине 1960-х – начале 1980-х годов открыто и определенно несогласие с политическим курсом КПСС выражала лишь немногочисленная часть советской интеллигенции крупных городов европейской части страны (диссертация, с. 4). Но это недовольство, как утверждает

автор, передавалось заметной части граждан не только в центре, но и в провинции. Думается, что весьма значимым является определение каналов подобных коммуникаций, способов их функционирования.

Достоинства и недостатки в содержании и оформлении диссертации, характеристика ее завершенности. А. А. Кузнецова подготовила оригинальное научное исследование, где представила авторский взгляд на процессы распространения инакомыслия в крупном регионе за длительный хронологический период. Это позволило выделить общее и особенное в развитии властно-общественных отношений, охарактеризовать поворотные моменты в истории советского инакомыслия.

Продуктивной представляется попытка автора разделить понятия «диссидентство» и «инакомыслие» (диссертация, с. 6), что позволяет расширить проблемное поле диссертационного исследования. Автор определила предмет работы как «процесс развития инакомыслия в Западной Сибири, который включает в себя причины, тенденции и этапы развития». В основной части диссертационного исследования причины и направления развития изучаемого феномена показаны обстоятельно, чего нельзя сказать о характеристике этапов. Какие хронологические отрезки в интервале середины 1960-х – начала 1980-х годов можно выделить по отношению к процессам инакомыслия в Западной Сибири, в чем качественные отличия этапов друг от друга – автор в исследовании отмечает фрагментарно.

При этом определение хронологических рамок самой работы видится автору отзыва аргументированным и логичным. Было бы более продуктивным указать еще и конкретные региональные особенности, поскольку спад активности диссидентов в начале 1980-х годов в провинции ощущался сильнее (автор неоднократно отмечает отсутствие крупных региональных фигур, влиявших на специфику общественного мнения).

А. А. Кузнецова никак не объясняет сужение территориальных рамок (в заглавие самой работы вынесена «Западная Сибирь») до трех областей – Новосибирской, Томской и Омской областями. Почему именно эти регионы выбраны? Чем объяснить исключение Кемеровской области и Алтайского края, Тюменской области? Все они подпадают под те региональные особенности, которые названы в работе (проживание ссыльных и репрессированных, края и области с бурным экономическим подъемом, развитием вузовских центров).

Периодизация историографии не содержит критериев выделения хронологических отрезков (диссертация, с. 8). Показано два этапа, которые тут же называются периодами (есть ли разница в этих понятиях для автора?), при этом так называемый «постсоветский период» не определен с точки зрения качественного содержания. В чем его принципиальное отличие от «периода возникновения и развития самого протозащитного диссидентского движения?»

Автор проделала большую работу по выявлению и систематизации историографических источников, однако не всегда убеждает читателя в доскональном знании опубликованных работ. Так, например, совершенно упущены из виду

целые группы исследований, в числе которых следовало назвать публикации советских «контрпропагандистов», так называемых «критиков буржуазных фальсификаций»¹.

Несомненным достоинством исследования является погружение автора в анализ зарубежной историографии, хотя после прочтения раздела остается неясным – есть ли в англо-американской литературе исследования по движению диссидентов в регионах Западной Сибири? Отсутствуют в обзоре и крупные работы, имеющие непосредственное отношение к теме. Так, например, представлена монография Л. И. Сосковец, но отсутствует монография А. В. Горбатова «Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы» (Издана в Томске, в издательстве Томского государственного педуниверситета в 2008 году). В этой книге представлен детальный анализ не только взаимоотношений властных структур с Русской Православной Церковью вплоть до конца 1960-х годов, но и с протестантскими религиозными организациями. К сожалению, автор не объясняет своего избирательного подхода к анализу историографических источников. Удивляет и скудный перечень (всего лишь 5) используемых диссертационных исследований. А ведь по данной теме можно назвать много работ, с которыми требовалось обязательно познакомиться².

Вызывает возражение структурирование источников. Выделенная группа «делопроизводственной документации» имеет у автора несколько подгрупп, среди которых «информационные документы», «протокольные документы», «следственные дела и материалы политических судебных процессов». Поскольку критерии систематизации источников в группы автор не сформулировал, остается только догадываться, почему «протокольные документы» не относятся к информационным. Очень ценной группой по своей информационной насыщенности являются источники личного происхождения. А. А. Кузнецова предприняла попытку углубить свои представления об изучаемых процессах, проанализировав содержание оставленных воспоминаний и доступной ей переписки.

Заслуживают всяческого одобрения личные контакты автора работы с доктором исторических наук, профессором Н. А. Томиловым, который являясь студентом Томского университета, в 1964 году критически отзывался о сложившейся в СССР политической системе. В рамках данной диссертации Томилов и

¹ См., например: Сулемов В. А. Критика буржуазных фальсификаций современной деятельности ВЛКСМ. М., 1979. 55 с.; Фарушкин М. Х. Политическая система развитого социализма и современный антикоммунизм: (К критике буржуазной советологии). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. 152 с.; Хмелинин М. И. Антимарксистские извращения сущности советского государства и социалистической демократии (критика буржуазных, реформистских и ревизионистских взглядов). М.: ВЮЗИ, 1979. 60 с.

² Береснева О. Н. Диссидентское движение как явление общественно-политической жизни СССР в 1960–1980 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 2001. 22 с.; Оришич Е. Г. Диссидентство как политическая форма протестного движения в СССР и особенности привлечения инакомыслящих к юридической ответственности (середина 1960-х – середина 1980-х гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 26 с.; Романкина И. А. Типология диссидентского движения в СССР: 1950-е – 1980-е годы: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Коломна, 2007; Фоменков А. А. История русского национально-патриотического движения в 1955–1993 гг.: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Ярославль, 2012. 47 с.; Шалюгина С. А. Идеино-политические течения в диссидентском движении в СССР в 1960–1970-е гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2003. 18 с.

его единомышленники – объекты воздействия политико-административной и репрессивной машины. Но требовалось привлечь в работу воспоминания и ее субъектов – работников партийного аппарата (секретарей обкомов, горкомов, райкомов КПСС, заведующих идеологическими отделами, начальников управлений по охране государственных тайн в печати, ветеранов органов государственной безопасности). В исследовании представлен лишь взгляд комсомольского функционера В. Г. Костюка (диссертация, с. 75), но лишь по частному вопросу.

Между тем эта тема достаточно хорошо представлена в мемуарных источниках. Помимо многочисленных книг бывших партийных функционеров есть и публикации высокопоставленных сотрудников КГБ, в числе которых первым стоит назвать генерала армии Ф. Д. Бобкова. В его книге «КГБ и власть» обстоятельнейшим образом показаны методы работы органов безопасности с диссидентами. Но почему-то у автора диссертации этот ценнейший источник не фигурирует даже в библиографическом списке. (Здесь уместно заметить, что в основной части не показана институциональная структура противодействия инакомыслия в исследуемый период. Какие органы помимо управлений КГБ СССР в краях и областях и с помощью каких процедур проводили работу по недопущению «антисоветских проявлений», какова была их численность, по каким критериям шел туда подбор кадров?)

Диссертация только бы выиграла, если бы автор использовал метод интервью и получил бы информацию от упоминаемых в работе профессора НГУ И. С. Кузнецова (как одного из исследователей темы), профессора ТГУ А. П. Казаркина (как непосредственного участника событий) и многих других. Думается, что сбор и систематизация материалов в жанре «устной истории» в перспективе станет для А. А. Кузнецовой важным направлением в ее теме работы.

Методологические основы работы строятся на основе теории политической модернизации и вебериянской концепции понимающей социологии. Бесспорно, это право автора, но осталось неясным отношение А. А. Кузнецовой к тоталитарной концепции К. Фридриха и З. Бжезинского. Между тем по ходу исследования автор апеллирует к тоталитарному концепту (в самом начале диссертации говорится о сопротивлении общественных сил тоталитарным тенденциям), однако не формулирует собственного отношения к нему. Осталась неясной авторская позиция по поводу качественной характеристики советского общества изучаемого периода. Каким оно было? «Обществом развитого социализма», «авторитарно-бюрократическим», «тоталитарным», «транзитивным»? От ответа на этот вопрос зависят и многие авторские оценки, выводы и суждения.

В целом построение методологического раздела работы представляется весьма своеобразным. Автор сначала формулирует свою позицию к «теориям среднего уровня», затем переходит к характеристике используемых в работе специализированных методов исследования, потом к общенаучным и только в самом конце – к исследовательским принципам. Традиционно делается все наоборот. Почему так поступил автор – непонятно.

Текст диссертации вычитан, автор владеет научным стилем изложения, имеющиеся по ходу работы ошибки, неточности и опечатки (наподобие «Чехословацкой ССР», с. 50) не снижают общего положительного впечатления от проделанной работы. Основная часть, представленная двумя главами, оценивается как завершенная, выводы каждой главы вытекают из анализа фактического материала.

Степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации. Достоверность и новизна полученных результатов. Положения, выносимые на защиту, представляются дискуссионными, но при этом обоснованными. Они подтверждаются фактическим содержанием исследования. А. А. Кузнецова ввела в научный оборот широкий круг документов и материалов, извлеченных из четырех региональных архивов и архива общества «Мемориал», что позволило прийти к логичным выводам, реализовать цель и в основном решить поставленные задачи.

В первой главе автор на большом фактическом материале показал специфику взаимоотношений власти и критически настроенных групп интеллигенции и рабочих в регионах Западной Сибири. Автор делает вывод о более радикальных взглядах рабочих, нежели интеллигенции (диссертация, с. 54).

Не всегда автор аргументировано формулирует особенности проявления инакомыслия, используя при этом неконкретные маркеры. Так, например, на странице 55 отмечается: «Недовольство властью **иногда** проявлялось в период выборных кампаний, непосредственно надписями на бюллетенях». При этом частные статистические данные не сопоставляются с общими («В Томской области было немало случаев отказа от участия в голосовании: в области их насчитывалось 215, а в самом Томске – 129»). На самом деле количество отказов в голосовании, как и количество голосов против, не нарушало привычных цифр в 99 % явки и 99 % голосовавших за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных».

В другой части работы автор утверждает, что художественные произведения Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут», «Раковый корпус» А. И. Солженицына получили «широкую популярность в регионе» (диссертация, с. 65). Каким образом по отношению к 1970-м годам можно определить степень популярности этих изданий, автор не поясняет.

Автор явно преувеличивает степень властно-идеологического попустительства. В изучаемый период вся агитационно-пропагандистская система в СССР ориентировалась на указания партийного руководства и чутко реагировала на «идеологические вывихи». Поэтому вряд ли можно согласиться с позицией автора о том, что «с 1965 года по всей стране возникают неофициальные и **неподконтрольные власти** молодежные клубы самодеятельной песни» (диссертация, с. 71). В качестве аргумента этой позиции автор ссылается на признания неназванных экспертов ЦК ВЛКСМ: «конкретная связь комсомольских органов с клубами самодеятельной песни прослеживается очень слабо» (диссертация, с. 76). На самом деле власть определяла границы дозволенного и вела наступление тогда, когда считала развитие явлений отклонением от нормы. (Так, в начале

1980-х годов начинается наступление на клубы любителей фантастики, которое получило организационное оформление в записке ЦК КПСС 1984 года «О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики»).

В диссертации одним из наиболее дискуссионных является тезис о степени общественной свободы в СССР. Автор на странице 61 утверждает: «...свобода в СССР была, но она была ограниченной, как собственно, и в любой другой стране». При этом, по мнению А. А. Кузнецовой, инакомыслящие и диссиденты «перегибали» в эпитаже жертвенности при решении вопросов прав и свобод. Фактическое содержание диссертации входит в противоречие с вышеуказанным утверждением. Пожалуй, в большей степени, это относится к свободе вероисповедания и перемещения.

Интересными видятся попытки соискателя ученой степени определить региональные особенности проявлений инакомыслия, хотя для этого требуется анализ большого фактического материала. Так, говорится о том, что «в Томске вольнодумцам приходилось скрываться и свою деятельность вести подпольно. В силу отсутствия таких привилегий, как в Новосибирском академгородке, в отношении несогласных студентов и преподавателей меры применялись здесь более жесткие». Очевидно, что для данного вывода необходимо глубокое изучение многообразия форм инакомыслия, реакции на них со стороны органов власти. Однако в качестве гипотезы, постановки проблемы этот тезис заслуживает внимания.

Автор не всегда четко проводит различия между критикой режима и преступлениями против конституционного строя. На странице 62 А. А. Кузнецова относит к преступлениям (?) формы несогласия с политическим курсом – надписи на бюллетенях и случаи отказа от голосования. Соискателю следует более четко определить собственную позицию в отношении понятий «дозволенный нонконформизм» и «антигосударственная деятельность». Также автор полагает, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. «отчетливо прослеживаются намерения власти подавить всякое инакомыслие. Опасаясь за всевозможные последствия независимого поведения граждан, госорганы берутся даже за безобидные проявления свободомыслия» (диссертация, с. 85). Думается, что автору нужно выразить в данном контексте свой взгляд на критерии обоснованности партийно-идеологического давления. Где в советском обществе должна была проходить грань между свободой и несвободой граждан?

Во второй главе автор пытается показать формы и направления борьбы диссидентов за права человека. В центре внимания исследователя отстаивание свободы совести и «права на самовыражение». Представлены разные формы протеста, однако вопрос о том, можно ли их назвать борьбой, остается открытым. В основном речь идет о направлении писем в органы власти. Приводится пример с массовой демонстрацией евангелистских христиан-баптистов в защиту прав верующих в мае 1966 года, но это, пожалуй, самый яркий пример. При этом утверждение о том, что по отношению к верующим «лишение родительских прав и отправка детей в детский дом становились редким исключением» (диссертация,

с. 126) не подкреплено никакими статистическими данными. Между тем в фондах уполномоченных по делам религии в региональных архивах сведения о таких фактах имеются как по отношению ко второй половине 1960-х, так и по отношению к 1970-м годам.

Теоретическая и практическая значимость полученных автором результатов. В числе наиболее значимых результатов проведенного А.А. Кузнецовой диссертационного исследования стоит назвать:

- выявление форм инакомыслия и его содержания по отношению к отдельным социальным и этноконфессиональным группам Западной Сибири (художественная интеллигенция, студенчество, рабочие, православные верующие, протестанты, евреи и немцы);

- определение особенностей инакомыслия в Западной Сибири (прежде всего, отсутствие организованных форм), установление факторов его динамики и способов противодействия. В отношении западносибирского региона автор полагает, что «связь с московскими диссидентами была непостоянной», а возможность выступить с критикой политического режима в СССР являлась весьма призрачной. Интересным представляется тезис о том, что «сближение евреев с диссидентами влекло за собой еще большие репрессии со стороны властей и увеличение отказов в выезде» (диссертация, с. 134). Автор приходит к выводу, что режим начинает использовать в большей степени методы «профилактирования», нежели репрессий» (диссертация, с. 168);

- механизмы артикуляции интересов конфессиональных групп (прежде всего, протестантских сект) и этнических сообществ, ставивших целью эмиграцию.

В заключении работы фигурируют важные пояснения по поводу поворотных моментов в истории инакомыслия. Так, например, на с. 168 утверждается, что «в Западной Сибири к концу 1960-х гг. инакомыслие и инакодействие обостряется на кухнях и в подполье. Самым массовым явлением в этот период становятся различные по степени радикализма письма и листовки» (диссертация, с. 168).

Материалы диссертации могут использоваться при разработке учебных курсов по истории прав человека в СССР, политической истории, в рамках подготовки обобщающих трудов, в музейной деятельности. Выводы и результаты окажут пользу российским правозащитникам и региональным омбудсменам.

Общий вывод оппонента. Отмеченные замечания и сформулированные пожелания не призваны снизить значение сделанных А. А. Кузнецовой выводов, во многом являются дискуссионными, призванными побудить автора к дальнейшей исследовательской работе. Текст диссертации и автореферат в целом соответствует требованиям пунктов 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в редакции от 01.10. 2018).

Основные результаты диссертации отражены в публикациях А. А. Кузнецовой, в числе которых 3 статьи в журналах списка ВАК и 16 публикаций в жур-

налах, сборниках научных трудов и материалах конференций. Анастасия Александровна Кузнецова, автор диссертации на тему «Инакомыслие в Западной Сибири в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на материалах Новосибирской, Омской и Томской областей)», достойна присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Официальный оппонент,

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры философии и
общественных наук ФГБОУВО

«Кемеровский государственный университет»

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Тел.: 8(3842)

E-mail: konab@list.ru

07 мая 2020 г.

А. Б. Коновалов

А. Б. Коновалов

Подпись *А. Б. Коновалов* заверяю

Зав. канцелярией *Е. В. Кузнецова*